

«...КУРСИРОВАЛИ ИЗ МОСКВЫ В ПАРИЖ...»:

Из переписки Юрия Анненкова и Льва Никулина

Публикация И.В.Обуховой-Зелинской

От переписки Юрия Павловича Анненкова (1889–1974) и Льва Вениаминовича Никулина (наст. имя Лев Владимирович Ольконицкий; 1891–1967) сохранились лишь одно письмо и открытка, явно случайно уцелевшие после «обвалов» 1930-х годов. И все же включение их в контекст многолетних взаимоотношений корреспондентов бросает некоторый свет на характер контактов парижской диаспоры с метрополией, особенно интересных для нас в переходный период на рубеже 1920–1930-х. Тогда в Париже подолгу находился Бабель, практически постоянно проживали Эренбург, Альтман и другие упоминающиеся в переписке лица, которые в конце 1920-х еще составляли общий круг знакомцев и приятелей, но уже в 1930-е должны были сделать окончательный выбор относительно своего гражданского и идеологического статуса.

Не задаваясь задачей всестороннего рассмотрения этого сложного вопроса, проследим несколько подробнее характер взаимоотношений двух основных персонажей публикации. Знакомство с писательским и архивным наследием Льва Никулина позволяет реконструировать хронологическую канву этой дружбы.

Заметим сразу, что роль Никулина в русской культуре XX века значительно больше и интереснее, чем это представляется тем, кто знаком с ней только по общеизвестным эпиграммам и патриотическим эпопеям сталинского лауреата 1952 года, вызывавшим скуку и отвращение студентов 1950-х, обязанных читать их по программе. На счету Никулина роман «Мертвая зыбь» (1965), ставший основой одного из первых советских телесериалов («Операция “Трест”»). И сериал, и роман в течение многих лет пользовались у читателей заметной популярностью. Роман был написан по материалам, предоставленным писателю из засекреченных до той поры архивов, – речь шла об одной из широкомасштабных чекистских провокаций 1920–1930-х, направленной против РОВС. Для роли прославителя советской внешней разведки и героических чекистов не случайно был выбран именно

Никулин: с органами у него были давние и, как можно полагать, довольно близкие отношения; кроме того, он считался специалистом по Франции.

В биографии Никулина, сейчас полузабытого и не очень уважаемого писателя, много неожиданного. Он не просто сталинский выдвигенец. В прошлом он побывал и в символистах, и в юмористах, и в драматургах, и в пионерах кинематографии. В 1910-е Никулин считал себя прежде всего поэтом, печатался в каких-то одесских журнальчиках (во всяком случае, именно 1910 год он указывал как начало своей литературной деятельности), а благодаря занятиям отца, довольно известного провинциального актера и антрепренера, был вхож в художественную среду. В Одессе Никулин учился в том же коммерческом училище, что и Бабель, который был на год старше. Встретившись, уже в 1920-е, в редакции журнала «30 дней», они друг друга вспомнили.

В 1910 Никулин нелегально переходит границу и попадает в Париж, но идея продолжать там образование не была им реализована – как по причине отсутствия четких намерений, так и по недостатку средств. Он жил в грязноватом отельчике на улице Брей, поблизости от авеню Ваграм (писатель сохранил верность этому отельчику на многие годы, неизменно останавливаясь именно там), наблюдал жизнь и описывал свои впечатления, как и полагается настоящему писателю, боролся с голодом и искал занятий, которые могли бы обеспечить кофе и круассан на завтрак и какой-никакой обед. В конце концов, проведя год в Париже, он возвращается в Россию осенью 1911.

Отец его в это время жил в Москве, и Лев поступает в Московский коммерческий институт. Его поэтические занятия и чувство юмора быстро находят приложение: он пишет для «Сатирикона», для кабаре «Летучая мышь»¹ и довольно часто публикуется в разных журналах. Недолгое сотрудничество в петербургском журнальчике «Рудин» оборачивается знакомством (и, быть может, легким романом) с его издателем Ларисой Рейснер – этот эпизод в недалеком будущем оказался для Никулина воистину судьбоносным.

«Мы, москвичи, жили довольно обособленно от петербуржцев (я говорю о литературной молодежи)», – пишет Никулин в своем очерке о Рейснер². Однако он иногда приезжал в Петербург и в один из своих приездов зимой 1913 побывал по приглашению своего нового приятеля Юрия Анненкова в Куоккале, где представился случай познакомиться со знаменитым критиком Чуковским и прочитать стихи Репину. Этот эпизод был описан Никулиным подробно и в разных вариантах печатался многократно.

Тогдашние точки пересечения будущего сталинского лауреата с Анненковым – молодым, общительным сценографом авангардного толка (а заодно

¹ Возможно, что текст ставшей народным хитом песни «У кошки четыре ноги...» именно тогда был написан Никулиным для одной из миниатюр. В 1922 песня про кошку исполнялась в качестве гимна сиамского короля Чулалонгкорна под аккомпанемент гребешкового оркестра в петроградском артистическом кабаре «Балаганчик», организованном при театре «Вольная комедия». См.: Золотницкий Д. Зори театрального Октября. Л., 1976. С.284.

² Никулин Л. Лариса Рейснер // Никулин Л. Годы нашей жизни. М., 1966. С.165.

карикатуристом, иллюстратором и тоже поэтом) – «Летучая мышь» в Москве, «Сатирикон» и «Бродячая собака» в Петербурге. Революцию принимают оба, с той разницей, что Анненков остается свободным художником, хотя – как и большинство левых художников – занимается оформлением столиц по случаю революционных праздников, а Никулин работает в политотделах различных военных округов, служа революции не только агитационным словом, но и штыком. В 1919 он оказывается в Киеве, где в ставшем позднее известным «ХЛАМе» собиралась местная творческая молодежь и столичные поэты и художники, покинувшие голодный Петроград. Позднее, в неоднократно переделывавшихся воспоминаниях и мемуарно-биографических очерках Никулин писал об этом периоде в приподнятом тоне революционной романтики:

Потом было лето 1919 года в Киеве, советское лето, необыкновенно радостное для нас, молодых людей, которые писали в газетах, выступали на митингах, что-то организовывали, горячились, спорили, работали в Политуправлении Наркомвоена, в политотделе Военного округа, и все это в то время, когда город был в кольце банд атаманов Зеленого и Струка, когда к столице Советской Украины рвались одновременно петлюровцы и деникинцы. И в Киеве существовало кафе поэтов под забавным названием «ХЛАМ». Это расшифровывалось по первым буквам: художники, литераторы, артисты, музыканты. Не очень лестное для деятелей искусства название.³

Из молодых людей, «писавших в газетах, горячо споривших» и т. д., Никулин называет Михаила Кольцова и Валентина Стенича. Но о киевском «ХЛАМе» писали в воспоминаниях и Эренбург, и Терапиано и многие другие, в том числе Надежда Мандельштам: «Во всяком случае, никто из тех, кто стал художником, циником не был, хотя и повторял любимое изречение Никулина: “Мы не Достоевские, нам лишь бы деньги...”»⁴.

В 1920 году Лариса Рейснер дает Никулину рекомендацию для работы в Балтийском политпросвете – это назначение сильно укрепило его политическое реноме и одновременно стало базой для дальнейшей литературной карьеры. Именно в это время Анненков и Никулин часто работают вместе. Кроме желания реализовать некоторые масштабные замыслы, творческая активность поддерживалась прозаической необходимостью доставать пайки. Думается, что Никулин играл не последнюю роль в организации разнообразных лекций для матросов Балтфлота, которые читали и Анненков, и Чуковский, и Гумилев. В 1920 Анненков начал сотрудничать с журналом «Красный милиционер». Орган городской охраны, где печатались корреспонденции «с мест» и уголовная хроника, превратился в гнездо символистов: там издавали свои рассказы и очерки А.Беленсон (главный редактор), Ремизов, Блок, Белый, Чуковский, Гумилев, Мандельштам и, в числе прочих, Никулин, живший по соседству с тем же Ремизовым в «Отеле Петровета №1», поблизости от Троицкого театра (в то время театр «Горохр»), в деятельности которого также принимали участие все вышеупомянутые литераторы. Вообще, за этот год Никулин успел многое: он принимал участие

³ Никулин Л. Годы нашей жизни. С.280.

⁴ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С.23.

в знаменитой массовой феерии «Штурм Зимнего дворца», а после открытия театра «Вольная комедия», где неформальным лидером был все тот же неутомимый Анненков, стал в нем заведующим литчастью.

В общий круг знакомств и Анненкова и Никулина входили также «Серапионовы братья», действовавшие под эгидой легендарного Дома искусств (М.Зощенко, Н.Никитин, Вс. Иванов, К.Федин и др.), и, несколько позже, писатели-попутчики, группировавшиеся вокруг редакции «Красной нивы» и издательства «Круг» (например, Б.Пильняк). Никулин, впрочем, исчезает почти на год из столиц – он получил должность секретаря генконсульства в Афганистане, возглавлять которое был назначен Ф.Раскольников. Тогдашняя жена Раскольниковой Лариса Рейснер за время Гражданской войны стала не только легендарной «женщиной-комиссаром», но и волею революционных судеб покровительницей своих друзей-поэтов. Претендентом на место секретаря и, некоторым образом, конкурентом Никулина был (к удивлению современного читателя)... Осип Мандельштам. Обратимся еще раз к воспоминаниям его жены:

Из Киева мы выехали в надежде попасть в такой же поезд, но возглавляемый Раскольниковым и направляющийся в Афганистан. В Москве выяснилось, что на эту авантюру мы опоздали, и мать Ларисы Рейснер сказала, что Раскольников уперся и, несмотря на все настояния жены, ни за что не соглашался взять «поэтишку». Вместо Мандельштама он захватил Никулина. Сейчас я понимаю, что все к лучшему, но тогда огорчилась, а Мандельштам – нисколько, хотя поездка была бы отдыхом от бедствий невероятных голодных лет. Он сказал, что судьба его хранит, чтобы он не путался в афганистанские интриги Раскольниковых, и принялся искать оказию на Кавказ.⁵

Имидж Никулина, не только «поэтишки», но и сотрудника политуправления, вероятно, более импонировал суровому Раскольникову, а погружение новоиспеченного секретаря консульства в дипломатические «интриги», видимо, способствовало установлению его контактов с секретными службами (если эти контакты не были установлены раньше). С этого времени Никулин уже не только писатель, хотя литература до конца жизни остается его основным (по крайней мере, официально) занятием. Он возвращается в СССР эпохи нэпа, пишет приключенческую повесть по афганским впечатлениям (одобренную Горьким), а также активно работает в амплуа сатирика: пишет стихи и юморески для журналов «Крокодил» и «Красный перец» и, кроме того, сатирические пьесы для театра (в соавторстве с В.Ардовым).

В 1924 Анненков уезжает на бьеннале в Венеции и далее, в качестве советского художника, экспонента готовящейся Международной декоративной выставки, поселяется в Париже. В ноябре 1924 устанавливаются дипломатические отношения Франция–СССР. В то время Анненков – один из самых известных и ценимых советских художников-портретистов, в полпредстве его считают «своим»: дают заказы на портреты, издают роскошно отпечатанную папку «17 портретов» (это, в основном, портреты советских вождей), приглашают на приемы в полпредство, дают возможность участ-

⁵ Мандельштам Н. Вторая книга. С.38.

воват в выставке французского искусства в Москве (1928). Это то время, когда «железный занавес» еще не опустился до конца. Приезжающих из СССР писателей держат под контролем, но не на таком уж коротком поводке. Они бывают у Анненкова, который считается советским гражданином, хотя отнюдь не собирается ограничивать свои контакты ни в эмигрантской, ни во французской среде.

Среди его новых знакомых – Борис Суварин, легендарная фигура в среде революционеров и политиков. Сын киевского ювелира, приехавший в детстве с родителями в Париж, он стал французом, но не утратил интереса к своей «исторической родине». Один из основателей французской компартии (в 1920), из которой его вскоре выкинули, в дальнейшем этот талантливый журналист посвятил свое перо и неординарные организаторские способности борьбе с этой же компартией и разоблачению сталинской политики. Первый номер издававшегося Суваринным «Bulletin Communiste» (23 октября 1925) вышел с анненковским портретом Ленина на обложке, а второй (30 октября 1925) – с его же портретом Троцкого. Естественнее всего предположить, что Суварин, живший в 1921–1923 в Москве, уже знал портреты Анненкова и связался с ним в Париже (возможно, через их общего знакомого Х.Раковского, назначенного в 1925 полпредом). Как бы то ни было, с тех пор их дружба продолжалась до конца жизни. В письме к Солженицыну Суварин вспоминает об «анненковском салоне» конца 1920-х – 1930-х годов:

Пока Сталин еще не установил своего ужасного абсолютизма, был период, говоря между нами, когда привилегированные писатели и художники курсировали из Москвы в Париж. Они встречались с людьми то там, то здесь, в мастерских художников или в монпарнаских кафе, на основе своего рода взаимопонимания завязывались дружеские отношения. И особенно в доме художника Анненкова теплое гостеприимство хозяйки дома, Валентины Ивановны <...> способствовало незабываемым для меня встречам с Замятиным, Бабелем, В.П.Полонским, Цадкиным...⁶

Среди выезжавших за границу привилегированных писателей, о которых пишет Суварин, был и Никулин. Профессия писателя – хорошая «крыша» для советского путешественника, дающая возможность легального получения визы. В 1925 он побывал во Франции и в Турции. Осенью 1927 вместе с Всеволодом Ивановым они едут в Париж, откуда Иванов вскоре возвращается в Москву, а Никулин остается. В это же время в Париже находится Бабель, с которым Анненков уже познакомился на чаепитии у Эренбурга. С 1927 по 1933 и Бабель, и Никулин живут в Париже подолгу. Они часто встречаются и с Анненковым, и друг с другом. Анненков писал об этом в «Дневнике моих встреч», Никулин – в воспоминаниях о Бабеле⁷. Оба опубликовали письма Бабея того времени. Свидетельство самого Бабея стало известно недавно, после публикаций В.Шенталинским протоколов допроса, где Бабель признается, что познакомился с Суваринным через Анненкова.

⁶ Rappé J.-L. Boris Souvarine. Paris, 1993. P.167.

⁷ Никулин Л. Исаак Бабель // Никулин Л. Годы нашей жизни. С.216-229.

У Бабеля жила в Париже первая жена, в 1929 у них родилась дочь. Он явно присматривается, не остаться ли насовсем, пробует организовать быт. Советскому писателю, живущему в Париже, было труднее сохранить хотя бы видимый идеологический нейтралитет, чем, например, художнику. Он не мог печататься в эмигрантской прессе, не рискуя испортить отношения с полпредством. Но использовать во Франции свои советские гонорары Бабелю тоже было нелегко: официального канала перевода денег не существовало. Обычно искали оказию: если кто-то в Париже хотел помочь родственникам в России, то им передавались деньги в рублях из полученного там гонорара, а в Париже получали эквивалент. Путь сложный и хлопотный. Это были общие проблемы для тех, кто сохранял отношения с метрополией. Поэтому упоминающаяся в письме Анненкова просьба о передаче денег свидетельствует о многом – Никулин действительно оказывал услугу приятелю.

Летом 1928 Анненков пережил тяжелую операцию, друзья были обеспокоены его здоровьем. Бабель пишет Никулину 30 августа 1928 (из Парижа в Москву):

Из новостей – вот Анненков тяжело захворал, у него в нутре образовалась туберкулезная опухоль страшной силы и размеров. Позавчера ему сделали операцию в клинике, где работал когда-то Дуайен. Мы очень боялись за его жизнь, но операция прошла как будто благополучно. Доктора обещают, что Ю<рий> П<етрович> выздоровеет. Бедный Анненков, ему пришлось очень худо. Пошлите ему в утешение какую-нибудь писульку.⁸

Анненков вспоминает об этом в «Дневнике моих встреч»:

В день возвращения Бабеля в Париж я находился в больнице. <...> Когда через несколько дней меня перевезли из клиники ко мне домой, на улицу Буало, произошло мое «прижатие» с Бабелем. Но еще через неделю я должен был уехать, на долгий срок (отдых), к Средиземному морю, где меня догнала очень милая «писулька» Никулина. <...> Когда я вернулся с юга в Париж, Бабель был уже в Советском Союзе.⁹

Никулин тоже возвращается в Москву, и в 1929 там выходит его книга о парижских впечатлениях¹⁰. Она получила довольно суровую оценку советской критики в лице Т. Николаевой:

Скользя по самой поверхности явлений, Никулин показал, как веселится Париж и его окрестности и показал нам с гораздо меньшим умением и вкусом, с каким были сделаны «впечатления» его предшественников в этой области – той же Ольги Форш, Эренбурга, Инбер и др. Бесконечно вертятся по одному кругу стоп-кадры: кафе, кабаре, быстро <так!> (примитивные кафе), дансинги, кокотки, аперитивы <так!> (спиртной напиток перед обедом), омары, астрономическое количество автомобилей и «полированных асфальтов». Для поддержки «пролетарской идеологии» автор совершает несколько экскурсов в революционное прошлое Франции и бросает несколько

⁸ Никулин Л. Исаак Бабель. С.222-223.

⁹ Анненков Ю. Дневник моих встреч. В 2 т. Т.1. М., 1991. С.303-304.

¹⁰ Никулин Л. Вокруг Парижа (Воображаемые прогулки). М.: ЗИФ, 1929.

слов об эмигрантах – князьях и княгинях, которые бывают гарсонами в кафе и выступают на эстрадах низкопробных кабаре.¹¹

Как бы то ни было, столь красочные и не совсем уместные (по мнению рецензента) для советского писателя парижские впечатления не испортили мнения о Никулине Там Где Надо, и весной 1929 Никулин снова оказывается в Париже. Он сообщает Крученых свой адрес (как всегда, на улице Брей) и планы:

29-V-1929
M.Nicoulin
23, rue Brey 17e

Дорогой столп футуризма <...> в Америку и Англию меня, слава богу, не пустили, но в Америку, кажется, пустят. Так же, как и в Испанию. А пока я поеду в Бретань...¹²

В Америку Никулину визы все же не дали, но он совершил большую поездку по Испании. Еще одно письмо тогдашним друзьям:

Мг. <так!> В.Катаеву и Ю.Олеше.
Адрес у Крученых
1929. 15 Авг<уста>

<...> На испанской границе я сел в мою машину (KD125 468) и поехал через Пиринеи в Ниццу. В мировом притоне, именуемом «Казино» (в честь бывшего) в Монте-Карло я потерял часть моего состояния. Теперь я еду в Швейцарию, потому что, по слухам, там дешево. <...> надеюсь обменяться рукопожатиями в сладком будущем. <...> сейчас я на Ривьере, где жарко и скучновато.¹³

Книга об этом путешествии¹⁴ была переиздана несколько раз, а вскоре она обрела неожиданную актуальность в связи с началом войны в Испании.

После каждого путешествия Никулин составлял альбом из фотографий и рисунков с комментариями. Эти альбомы показывались друзьям в часы досуга, и кое-кто оставлял в них свои записи. В альбоме за 1929 год на одной из страниц приклеена фотография, где Анненков и Никулин сняты возле дома Анненкова на улице Буало с подписью: «Париж 1929. У больного товарища. С картины Маковского. У Ю.Анненкова», а рядом карандашный шаржированный портрет Анненкова с подписью: «рисовал Ардов».

Комментарии просматривавших альбом:

В тени какой кущи сидел, однако, Лев Вениаминович! Какая куща, какая роща!

И.Ильф

А товарищ-то невозвращенец! Ю.Анненков! Да-с! Узнал!..

Вс. Иванов

Он тогда еще не был невозвращенцем. Да-с. Л.Н¹⁵.

¹¹ РГАЛИ. Ф.350. Оп.1. Ед.хр.14 (вырезка из газеты без указания названия).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Никулин Л. Время, пространство, движение. М., 1933.

¹⁵ Там же.

Да, Анненков тогда еще не был невозвращенцем, и Никулин без особых опасений мог с ним переписываться. Об их встречах во второй половине 1930-х ничего не известно. В конце 1930-х в недрах НКВД исчезли, в числе прочих, Бабель, Пильняк, Мейерхольд... «Железный занавес» задвинулся плотно. В 1940 – оккупация Парижа, в 1941 – война в СССР.

За это время завершилась духовная эволюция Анненкова. Он уже в 1930 начал активно работать в эмигрантской прессе, став душой реанимировавшегося в Париже «Сатирикона»¹⁶. В 1934 была опубликована его «Повесть о пустяках» – о петербургской жизни до и после революции, с явным сатирическим зарядом по отношению к людям, сотрудничавшим с новой властью¹⁷. Отношение Анненкова к террору, в результате которого погибло множество его близких друзей и оборвались все связи с родными, не требует комментариев. Социалистический реализм он считал халтурой и часто писал об этом в эмигрантской прессе. Он врос в парижский быт, в 1920-х и 1930-х много выставлялся, потом начал работать в кино, став известным художником по костюмам. Он никогда не прерывал работы для театра, создавая костюмы и сценографию для драматических спектаклей, оперы, балета, мимодрамы – всего не перечислишь. Послевоенным надеждам на «потепление» политического климата в СССР положил конец доклад Жданова. Анненков пережил это как тяжелый личный удар, затронувший его самые тонкие душевные струны, – Ахматова всю жизнь была для него образцом в поэзии и предметом особого поклонения в жизни. В статьях 1950-х годов (в «Русской мысли» и в «Возрождении», весьма враждебных по отношению к СССР эмигрантских изданиях) Анненков неуклонно издевается над соц-реализмом, включается в защиту Пастернака, разоблачая ложь советских газетных кампаний.

А что за это время произошло с Никулиным?

Он тоже потерял друзей в 1930-е. Виктор Ардов, бывший соавтор Никулина, назвал его «ужаснувшимся». Из общительного, веселого человека он превратился в замкнутого и нелюдимого молчуна – таким его вспоминает Михаил Ардов¹⁸, знавший писателя в послевоенное время. Он же приводит в своих воспоминаниях одну из известных эпиграмм Э.Казакевича: «Никулин Лев, стукач-надомник...». Известна еще одна эпиграмма Казакевича, содержащая более конкретный намек: «Каин, где Авель? Никулин, где Бабель?»¹⁹

¹⁶ Он помещал там рисунки и карикатуры, в том числе и политические, под разными псевдонимами, а также, судя по всему, участвовал в редактировании журнала и писал тексты. Об издании см.: *Иванов А.* Парижский «Сатирикон» // Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т.4: 1939–1960 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. Иерусалим, 1995. С.208–219.

¹⁷ «Повесть о пустяках» была издана в 1934 по-русски в издательстве «Петрополис» в Берлине, затем издавалась по-французски под названием «La Révolution derrière la porte» (Paris, 1987), по-русски в США (1988) и, наконец, в 2001 в России сразу в двух столицах: в Москве (издательство МИК) и в Петербурге (издательство Ивана Лимбаха).

¹⁸ См.: *Ардов М.* Легендарная Ордынка. Портреты. М., 2001.

¹⁹ Двадцатый век в эпиграммах от А до Я. Из собрания Льва Куклина. СПб., 2002.

Был ли он действительно причастен к трагической судьбе Бабеля²⁰ или, подобно многим, «давал на него материал» под давлением соответствующих органов, сейчас установить, скорее всего, невозможно. Чудовищная мясорубка втягивала в себя тех, кто в свое время способствовал ее идеологической и моральной поддержке.

Никулин уцелел, но от символистского поэта, лихого советского сатирика и рассказчика о парижских шантанах мало что осталось. Он превратился в литературного чиновника, с дурной славой, о которой слагались остроумные эпиграммы. Он писал предисловия к произведениям Вайана-Кутюрье и Хикмета и за патриотическую эпопею «России верные сыны» получил в 1952 Сталинскую премию третьей степени²¹.

После наступления «оттепели» Никулин снова становится выездным – М.Ардов вспоминает, что после 1956 он каждый год ездил лечиться на один из французских курортов. Лечение совмещалось с определенными заданиями деликатного свойства. Известно, что Никулин вел переговоры с вдовой Бунина и способствовал продаже части бунинского архива в Советский Союз. Он также вел переговоры с знаменитой Мурой Будберг по поводу горьковского архива – но это более таинственная история.

В Париже Никулин продолжал выступать с лекциями, и на одной из них, как он пишет в очерке «Судьба художника», к нему подошел художавый господин, в котором писатель узнал своего давнего приятеля. Нужно отдать должное Никулину: он попытался вернуть имя Анненкова на родину, опубликовав очерк в «Огоньке»²². Анненков был тогда уже мэтром французской кинематографии, а в живописи увлекался абстракционизмом. Вполне возможно, что Никулину искренне не понравились его рельефы и инсталляции, но в любом случае он знал, как нужно писать о Западе: и абстракционизм, и Запад подверглись в финале очерка суровому осуждению.

Это, впрочем, была внешняя сторона их общения. Никулин остался верным дружбе и, как в былые годы, выступил в роли курьера: именно он передал письмо Анненкова Чуковскому, который сообщает о нем Ахматовой, первой жене Анненкова Елене, сестре Зинаиде (до того времени никто из них не имел понятия о судьбе Юрия Павловича) и некоторым литературоведам и искусствоведам.

Интересно вспоминает о встречах Никулина и Анненкова в 1960-е Б.Суварин:

²⁰ В опубликованных материалах по делу Бабеля фамилия Никулина не упоминается.

²¹ Именно тогда по Москве ходила эпиграмма (авторы В.Масс и М.Червинский):

Он пишет книги каждый год
И все, что пишет, издает.
И это все читать должны
«России верные сыны».

Вариант эпиграммы см.: Двадцатый век в эпиграммах от А до Я.

²² Никулин Л. Судьба художника // Огонек. 1961. №21 (без имени художника). Тот же текст в очерке: Никулин Л. В мире художников // Дружба народов. 1965. №5 (уже с названным полностью именем: Юрий Павлович Анненков).

Никулин, приятель Бабеля, приезжал много лет подряд во Францию, чтобы лечиться в Виттель-Контрексевиль. Доказательство того, что он был хорошо принят при дворе. <...> Проезжая через Париж, Никулин никогда не упускал случая увидаться со своим старым другом Анненковым, который приглашал и меня на эти встречи.

Вопросы политики никогда не обсуждались (чего ради?), разговаривали только на литературные и художественные темы: в частности, мы, вполне естественно, интересовались новостями о наших общих знакомых. Как же не спросить и про Бабеля? Нам было безразлично, сдавал ли Никулин по возвращении отчеты о наших встречах, – нам нечего было скрывать, но и он ничего интересного нам рассказать не мог.²³

Ниже мы публикуем два послания Ю. Анненкова (письмо и открытку) из архива Л. Никулина (РГАЛИ Ф.350. Оп.1. Ед.хр.121). По времени это последние известные нам письма Анненкова на родину, написанные до войны.

1

<19 мая 1930¹>

Милый Лева

Я не писал тебе так долго, потому что голова моя была совершенно забита приготовлениями к выставке. Теперь она уже заканчивается, и вот – я пишу.

Спасибо тебе за хлопоты. Надеюсь, что они увенчались успехом. Если же еще – нет, то хорошо было бы поднажать. Посылаю тебе адрес моей матери: Зинаида Александровна Анненкова, Ленинград, Петроградская ст<орона>, Большая Зеленина ул., д.9, кв.25. Кроме того, прошу тебя передать семьдесят рублей (70) гражданке Барской Марии Францевне, Москва, Спиридоновка, 23, кв.1. Старушке приходится, кажется, очень туго, и мне хотелось бы ей немножко помочь. Исполни эту мою просьбу по возможности быстрее.

Здесь тебя заметно не хватает. Wagram² помрачнел, девушки полиняли, хотя, впрочем, далеко не все. Погода стоит прохладная, но каштаны, роскошествуя, покрылись свечами, сады – в цвету, и запахи, замешанные на бензине, разумеется, пленительны. В театре Пигаль завтра начинаются гастроли Камерного театра³. Таиров гарцует по Большим Бульварам. Фенина⁴ было приняли за Гоголевского «Носа» (или за Гоголевский «Нос»?), но недоразумение скоро разъяснилось. Дэзи затихла в семейном очаге, свадьба была отпразднована с интернациональной помпой и на третьем месяце. Маргерит по-прежнему необычайно приятна на ощупь, но о тебе как-то не вспоминает, хотя ты, несомненно, произвел на нее ошеломляющее впечатление.

²³ *Souvarine B. Derniers entretiens avec Babel // Contrepoint. 1979. №30. P.89.*

На днях уезжаю погостить к одному приятелю на его виллу. Начнутся столь излюбленные мною светские развлечения в угловом деревенском бистро и бесконечное валянье под липами. В моменты отдыха, когда голова моя освобождается от ежедневных дел, я острее всего чувствую мою тоску по Союзу и рвусь в Москву. В такие минуты я особенно завидую твоему счастью. К сожалению, работа моя еще настолько меня сковывает, что я никак не могу вырваться.

Татуха подрастает, становится барышней, и все свое гостеприимство и любовь, ввиду твоего отсутствия, сосредоточила на Максе. Кстати, у Альтманов⁵ появилась новая обезьяна-капуцин, которую тоже зовут Максом. Для Натана эта обезьяна является постоянным бичом, хотя и с большим фамильным сходством. Ирина⁶ хорошеет не по дням, а по часам, хотя я ее никогда не вижу. Эренбург, как говорят, образовал какую-то секту; во всяком случае, без учеников он уже нигде не появляется.

Comme on revient toujours a ces premieres amours⁷, так я забегаю время от времени в *café du Dome* (о, двадцатилетняя привязанность!)⁸ послушать сплетни, выпить чаю и поглядеть на толпу.

Потрясен смертью Маяковского, но не хочу говорить о печальном.

Передай мой нежный привет Лизетте, Александру Николаевичу, Борису Андреевичу⁹, Бабелю и вообще всем, кто обо мне пожелает вспомнить. Тебя же крепко обнимаю и целую. И желаю всего хорошего. Очень прошу тебя сообщить мне — исполнишь ли ты мою просьбу. За вычетом семидесяти рублей, остающуюся сумму распредели по-прежнему: 2/3 моей матери, а 1/3 — Лене¹⁰.

Твой

Юрий Анненков

¹ Письмо датируется по упоминанию о начале гастролей Камерного театра в Париже.

² Отель, в котором всегда останавливался Никулин, находился поблизости от авеню Ваграм — в 1920-е это был один из «русских» районов Парижа.

³ В эмигрантских газетах сообщалось о гастролях в Париже Московского Камерного театра с 20 мая по 1 июня включительно (см., например: Возрождение. 1930. 20 мая, №1813).

⁴ Фенин Лев Александрович (1882–1952) — до революции актер «Кривого зеркала», после революции стал одним из ведущих актеров Камерного театра.

⁵ С Натаном Альтманом (1889–1970) Анненков был знаком и дружен еще с дореволюционных времен. В их творчестве можно заметить знаменательные параллели: альтмановский портрет Ахматовой соперничает с анненковским по популярности и частоте воспроизведения; оба портретировали Ленина, занимались праздничным оформлением города, много работали в театре и в книжной иллюстрации. Их дружба продолжалась и в Пари-

же, где Альтман жил с 1928 до 1935. После отъезда Альтмана в СССР они, по-видимому, не общались.

⁶ Жена Альтмана – Ирина Валентиновна (урожд. Щеголева).

⁷ Так же, как всегда возвращаются к своей первой любви (*франц.*).

⁸ Впервые Анненков приехал в Париж весной 1911 и провел там с перерывами на каникулы два с половиной года, до осени 1913. Он жил тогда поблизости от знаменитого перекрестка Вавен, где находились излюбленные художественной богемой кафе «Ротонда» и «Дом».

⁹ Б.А.Пильняк.

¹⁰ Первая жена Анненкова, Елена Борисовна, которая приехала в Париж в 1925 и сыграла несколько ролей в кино. Однако Юрий Павлович жил тогда с Валентиной Мотылевой, ставшей его второй женой, и в конце 1920-х Елена Анненкова вернулась в Россию.

2

СССР Москва
Старая Башиловка, д.8 кв.13
Льву Вениаминовичу Никулину
Отпр<авитель> G. Annenkoff
38, rue Voileau, Paris XVI
France
<июль 1930>

Милый Левушка

Умоляю тебя поспешить с исполнением моей просьбы, буду тебе благодарен.

Я уже снова в Париже. Жил я у моря вместе с Ваней Пуни¹. Приезжала к нам, как к несомненным *doyen'am*², Ирина³. Несколько дней подряд мы принимали втроем солнечные ванны на Лазурном берегу, шелушась и обжигаясь. Как ты провел лето? Целую тебя и Лизетт.

Твой Ю.А.

Ответь телеграфом.

Открытка. Штамп: получено с воздушной почтой 2/VII.30.

¹ Пуни Иван Альбертович (1892–1956) – художник; с 1919 в эмиграции. Семьи Пуни и Анненковых были старожилами Куоккалы. Художники были знакомы с детства, в одно и то же время поехали в первый раз в Париж (возможно, Анненков осуществил свою поездку, следуя примеру Ивана Пуни), где жили в одном квартале и регулярно встречались. Оба увлеклись авангардом, встречались и в дореволюционном Петербурге, и в послереволюционном Петрограде, и, конечно, после эмиграции в Париже, где И.А.Пуни жил с 1923.

² От *doyen* (*франц.*) – старшина, декан. Постоянная шутка в кругу анненковских друзей, вероятно, после операции Анненкова в клинике, где работал Дуайен (врач?). Анненков с тех пор часто называл себя дуайеном.

³ По-видимому, жена Альтмана.

Диаспора

IV

Диаспора

IV

НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

Диаспора
IV

**НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ**

Athenaeum – Феникс
Париж – Санкт-Петербург

2002